

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

19. О причинах нерентабельности чифтликков см.Димитров, ук.соч., с. 17-19, 32-33; Тодоров, ук.соч., с. 106-112; Хр.Христов. Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1964, с. 186-187.
20. См.Димитров, ук.соч., с. 31-33.

М. Е. Ермаков

БИОГРАФИИ БУДДИЙСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В "ЦЗИНЬ ШУ"

В пятом десятилетии УП в. монах Дао-сюань (596-667) продолжил биографическое собрание Хуэй-цзяо (497-554) Гао сэн чжуань (Жизнеописания достойных монахов). Отныне в литературном ряду Гао сэн чжуань, в этом своего рода собрании буддийских знаменитостей I-UI вв., насчитывается только немногим менее тысячи биографий.¹ Представленные здесь деятели оставили заметный (а некоторые и весьма значительный) след в китайской истории; само содержание их деятельности свидетельствует о чрезвычайной социальной активности сангхи, о способности буддизма внедряться в разнообразные, в том числе, самые высокие (скажем, правительственные или ученые) сферы китайского общества.

Только в начале того же пятого десятилетия УП в. была представлена на высочайшее утверждение династийная история, где буддийские деятели впервые удостоились биографий. Биографии только пяти монахов вошли в Цзинь шу (История Цзинь) - династийную историю, описывающую период с 265 по 419 г. и составленную группой авторов во главе с Фан Сюань-лином (578-648). Самое осторожное предположение относительно столь различного представительства может быть сведено к тому, что с одной стороны (то есть со стороны сангхи и ее историографов) были предъявлены чрезмерные притязания на общественную значимость, а с другой (то есть со стороны официальных историографов) - выказано к этим притязаниям полное безразличие.

Все же, желая оставить зыбкую почву предположений, обратимся к предмету, который обещает нам большую определенность, а именно к попавшим в Цзинь шу (далее ЦШ) биографиям выходцев из Индии Фо Ту-дэна и Кумарадживы, уроженцев Западного края (Восточный Туркестан) Шань Дао-кая и Сэн-шэ, а также еще одного чужестранца Тянь-цзюэ, о происхождении которого ничего не известно. Такая определенность обеспечивается тем счастливым обстоятельством, что биографии тех же деятелей ранее приводятся в собрании Хуэй-цзяо Гао сэн чжу-

ань (далее ГСЧ). Путем сопоставления биографий в официальной и буддийской версиях попытаемся установить степень их различия и таким образом выясним, кто есть буддийский деятель в представлении официального китайского историографа. При этом будет уместным напомнить об одном небезразличном для нас обстоятельстве. В числе прочих династийных историй, появившихся при династии Тан (618-907), ЦШ открывает традицию коллективного историописания, осуществлявшегося при официальном органе - историческом бюро, и несравненно строже, нежели предшествующая "единоличная" династийная историография, выдержана в духе официальной идеологии.²

Большой ряд совпадений в текстах обеих версий свидетельствует о том, что ГСЧ послужили ЦШ основным источником. Собственно, единственным указанием на то, что составители ЦШ помимо ГСЧ привлекали другие источники, служат три эпизода, прежде не представленные в ГСЧ и уточняющие обстоятельства пребывания Кумарадживы и Фо Ту-дэна при дворах императоров.³ Вместе с тем, из каждой биографии в ЦШ выпущен значительный по объему материал, прежде представленный в ГСЧ. В разных биографиях из династийной истории купоры составили от одной пятой до двух третей от объема первоначальной версии.

Не представляется сколь-либо неожиданным, что купоры приходятся в основном на сведения о монахах в сфере их непосредственной буддийской деятельности, будь то взаимоотношения внутри сангхи, проповедническая или другая деятельность. Если буддийское собрание в этих частях чрезвычайно подробно, то династийная история или немногословна, или бессловесна вовсе.

Продолжая наши наблюдения над текстом ЦШ, мы замечаем, что наименьшим сокращениям здесь подлежали эпизоды, или раскрывающие экзотические черты в облике буддийского деятеля, или описывающие его причастность к чудотворению. Если попытаться выделить из обеих версий биографии Кумарадживы те отрывки, содержание которых наш здравый смысл не позволяет признать достоверными, то десять таких мифом в ЦШ по сравнению с тринадцатью в ГСЧ на первый взгляд отражают тенденцию к сокращению фантастического элемента в официальной версии. Между тем, этот вывод следует сменить на прямо противоположный, если принять во внимание, что наряду с исключением немногих мифом, составители ЦШ вынесли за рамки биографии неизмеримо больший (приблизительно две трети от первоначального объема) исторически достоверный материал. Столь же благосклонное отношение ко всякого рода рассказам о необычайном составители ЦШ сохраняют и в остальных четырех биографиях.

В связи с этим обращает на себя внимание, что все пять биографий буддийских деятелей ЦШ помещены в главу Ишу (Искусники), где наравне с ними представлены биографии прорицателей, гадателей, знахарей и т.д. В предисловии к этой главе составители ЦШ объясняют присутствие искусников в династийной истории стремлением как можно шире объять исторические анналы, следовать образцам прошлого. В целом же они выражают свое довольно скептическое отношение к такого рода деятельности, считают, что искусники смешивают истинное и ложное, неразумны в своих деяниях. Далее они напоминают, что мудрец избегает говорить о необычайном, проявлениях силы, смутах и духах (суждение, почерпнутое из Лунь-йи, цз.7) и призывают если не предавать искусников забвению, то и не превозносить их, вступивших на ничтожную стезю.⁴ Сообразно с этим произведен и отбор буддийских деятелей для династийной истории. Среди более четырехсот деятелей, представленных в ГСЧ, решительно преобладают те (переводчики, толкователи, знатоки винай и др.), кто так или иначе соприкасались с буддийской ученостью, противопоставлявшей себя чудотворению. Из общего ряда ГСЧ выпадают только двадцать шесть биографий, образующих обособленный и подчиненный типаж чудотворца с его предрасположением к необычайному, сверхъестественному.⁵ Между тем, четыре из пяти биографий, вошедших в ЦШ, заимствованы именно из раздела "Чудотворцы" ГСЧ.

В собрании Хуэй-цзяо, обращенном к буддийской просвещенной элите, китайскому ученому сословию, по обыкновению чрезвычайно обстоятельно повествуется об причастности буддийских деятелей к буддийскому письменному наследию, к книжности во всех ее проявлениях. Исключение составляет тот же раздел "Чудотворцы", лишь немногие биографии которого кратко упоминают обстоятельства, как-то связанные с книжностью. Две из этого небольшого количества биографий были перенесены в корпус династийной истории и здесь утеряли даже случайные знаки книжности. Так, относительно Шань Дао-кая умалчивается, что в юном возрасте он преуспел в учении, декламировал наизусть сутры в четыреста тысяч слов. Относительно Фо Ту-дена подлежит умолчанию упоминание о том, что он всецело посвятил себя ученым трудам, знал наизусть сутры в несколько миллионов слов, превосходно толковал тексты. Само собой разумеется, в ЦШ опущено упоминание о том, что хотя Фо Ту-дэн и не был знаком с китайской философской и исторической классикой, но обладал чудесной способностью мыслить ее категориями и представлениями и благодаря этому брал верх в ученых спорах с образованными китайцами. И конечно же, наибольшие купюры в этой части приходятся на биографию Кумараджи-

вы, заимствованную из раздела "Переводчики" и воплощающую преобладающий в ГСЧ типаж книжника. В ЦШ, в частности, не сообщаются сведения об ученических годах Кумарадживы, наполненные множеством подробностей, ссылками на многие буддийские сочинения. В официальной версии как бы между прочим сказано о переводческой деятельности Кумарадживы, которая в ГСЧ описывается во всех аспектах и деталях.

Столь упорное умалчивание не оставляет сомнений в том, что официальная историография невольно или намеренно отстраняет буддийского деятеля от книжности, или же (что, вероятно, суть одно и то же) не приемлет за буддийской книжностью права на существование. Как например, не приемлют его авторы другой составленной немногим ранее династийной истории Суй шу, следующим образом заключающие библиографический раздел своего сочинения.

"Даосизм и буддизм – только второстепенные учения и мудрец далек от них. Тех невежд, кто этим учениям следует и не в состоянии себя превозмочь, привлекает по преимуществу их витиеватость. Когда доверяются их химерам, в мире наступает смута. В том и состоит приносимый ими вред. Истинное учение немногословно и не терпит обмана. Краткий обзор литературы буддизма и даосизма мы потому и поместили в конец четвертой части".⁷

Совершенно очевидно, что книжность и книжная культура представлялась официальному историографу высшей прерогативой, которую никто не в состоянии у него оспорить.

Подводя итог нашим наблюдениям, мы должны заключить, что официальная историография пыталась представить буддийского деятеля в экзотическом обличи чудотворца, неким кудесником, отстраненным от ученой книжности, истинной мудрости. Иными словами, официальная историография (а в широком смысле и официальная китайская ортодоксия конфуцианского толка) стремилась оттеснить буддизм с освоенной им позиции просвещенной религии в сторону народных суеверий, верований и тем самым защитить свою прерогативу высшего духовного авторитета.

I. Литературный ряд Гао сэн чуань сочинениями Хуэй-цзяо и Даосюаня не исчерпывается. До нас дошли также сочинения Цзань-нина (919–1001) Сун Гао сэн чуань (Сунские жизнеописания достойных монахов) и Жу-сина (XUI в.) Да-Мин Гао сэн чуань (Великоминские жизнеописания достойных монахов); к этому же ряду при-
мыкают собрания Какхуна (XIII в.) Хэтонь Ко сынь чон (Жизнеописания достойных монахов Кореи) и Сибана (1625–1710) Хонтё Ко со дэн (Жизнеописания достойных монахов Японии). О литератур-

- ном ряде Гао сэн чжуань см. М.Е.Ермаков. Гао сэн чжуань как литературный памятник. Автореф. дисс...канд.филол.наук. Л., 1983, с. 14-16.
2. Yang Lien sheng. The organization of Chinese official historiography: principles and methods of the standard histories from the T'ang through the Ming dynasty.- "Historians of China and Japan". L., 1961, с. 44-45.
 3. Об этих эпизодах см. М.Е.Ермаков. Биография Кумарадживы в "Гао сэн чжуань" и ее версия в официальной китайской историографии. - IX научная конференция "Общество и государство в Китае".(Тезисы и докл.). Ч.1. М., 1978, с. 138-139; а также А.Ф.Врайт, Fo-tu-têng, a biography.- HJAS, vol. 11(1948). №3-4, с. 330-332.
 4. См. ЦШ, цз.95.- Сыбу бэйяо Шанхай, т. 58, с. 761а.
 5. См. об этом М.Е.Ермаков. Гао сэн чжуань как литературный памятник, с. 13-14.
 6. См. ГСЧ, цз. 9, 2.- Тайсё синсю Дайдзюкё, Токио, т.50, 1960, с. 387б, 3830, 330а-333а.
 7. См. Суй шу, цз.35. - Сыбу бэйяо, т. 68, с. 334б.

Д.В.Ермаков

НОВОВВЕДЕНИЕ - БИД^а В РАННЕХАНБАЛИТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Нововведение (бид^а) - одна из важнейших категорий ислама.Понимание ее претерпевало различные изменения. В конце УШ в. начали складываться две основные концепции нововведений. И.Гольдциер определяет их как "крайнюю" и "умеренную".

Появление "крайней" концепции нововведений - следствие стремления части мусульманской общины неукоснительно следовать сунне пророка. Наиболее полное выражение эта концепция нашла в идеологии ханбалитов. Движение ханбалитов возникает в УШ в. как своеобразная реакция консервативной части мусульманской общины, суннитских богословов, на распространение шиизма, калама, мутазилитских и других доктрин. Как пишет крупнейший исследователь движения ханбалитов А.Лауст: "Борьба с нововведениями - бид^а преобладает в идеологии ханбалитов, которые не делали различия между нововведениями хорошими и плохими, а отвергали и те, и другие".²

Несомненный интерес представляет рассмотрение раннего этапа формирования ханбалитской концепции нововведений. Основой для не-